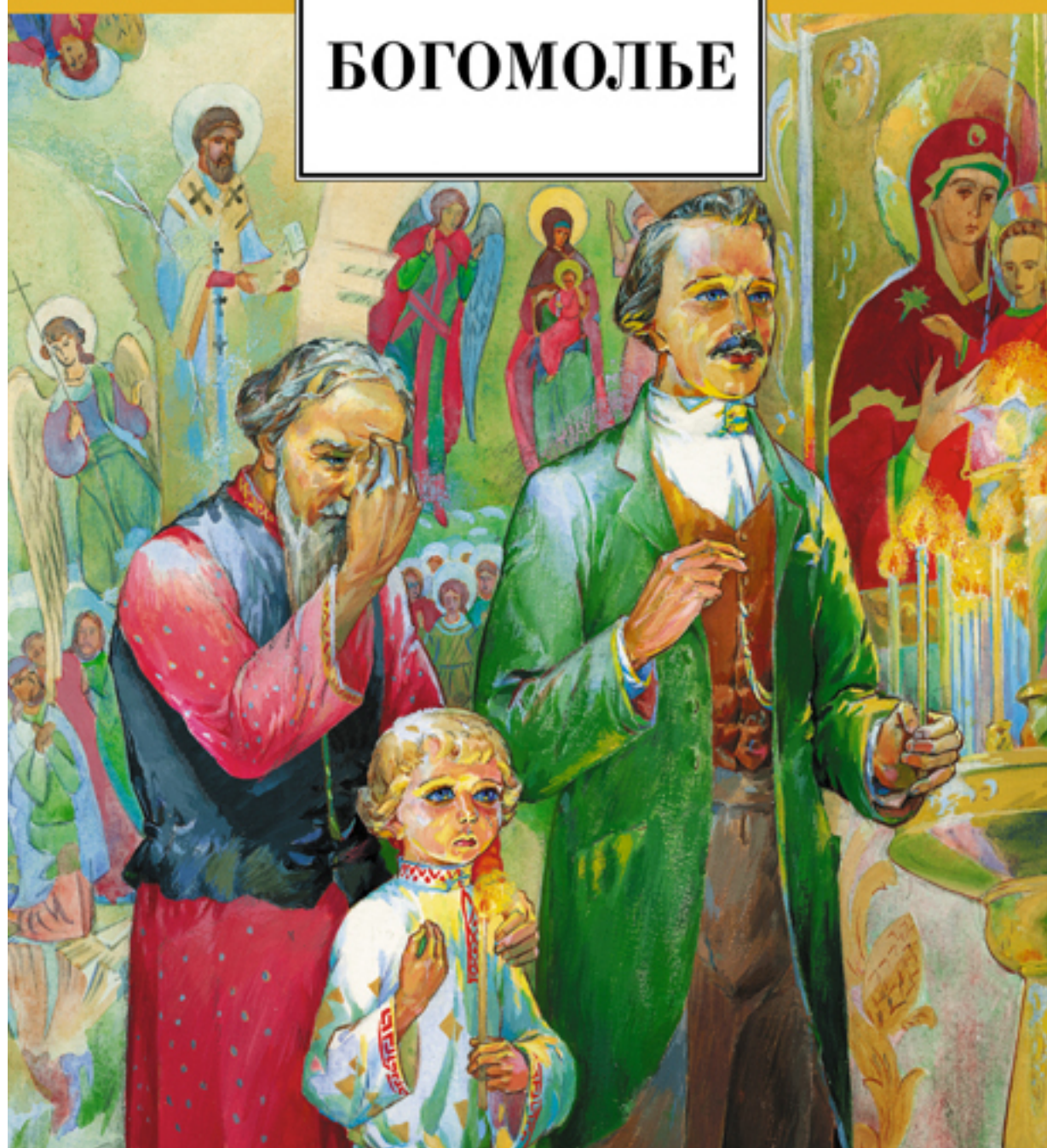

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Иван Шмелев

БОГОМОЛЬЕ

Школьная библиотека (Детская литература)

Иван Шмелев

Богомолье (сборник)

Издательство «Детская литература»

2008

Шмелев И. С.

Богомолье (сборник) / И. С. Шмелев — Издательство «Детская литература», 2008 — (Школьная библиотека (Детская литература))

ISBN 978-5-08-004285-0

В книгу замечательного русского писателя вошли наиболее известные повести «Богомолье» и «Неупиваемая Чаша», а также рассказы и очерки для детей. Для старшего школьного возраста.

ISBN 978-5-08-004285-0

© Шмелев И. С., 2008
© Издательство «Детская
литература», 2008

Содержание

Шмелев – художник идеальных образов[1]	6
Повести	18
Богомолье	18
Царский золотой	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Иван Шмелев

Богомолье (сборник)

© Суrowова Л., вступительная статья и комментарии, 2008

© Кузнецов А., иллюстрации, 2008

© Оформление серии. ОАО «Издательство «Детская литература», 2008

Шмелев – художник идеальных образов¹

И. С. Шмелев

21 сентября 1873 года у московского купца Сергея Ивановича Шмелева произошло радостное событие: родился мальчик, четвертый ребенок в семье. Недельного младенца понесли крестить в приходской храм Казанской иконы Божией Матери у Калужских ворот и нарекли Иоанном в честь дедушки. Так начался жизненный путь русского писателя Ивана Сергеевича Шмелева. Его предки происходили из крестьян; после войны 1812 года они поселились в Москве, на Большой Калужской улице. Этот район города, по тогдашним понятиям, считался почти окраиной, а в 70-е годы XIX века уже принадлежал к Замоскворечью, особому миру, где сосредоточилось торговое сословие.

Как рассказывает Шмелев в своей автобиографии, двор их дома всегда был полон рабочим людом, крестьянами разных губерний, приезжавшими в Москву на заработки. Отец писателя брал подряды и нанимал дюжих молодцов, сколачивая из них плотницкие артели. Сколько и скольких мужиков из разных областей видел шмелевский двор: у каждого свой говорок, свои местные словечки, присказки, прибаутки, свой запах, свое шитье на рубахах. Все услышанное будущим писателем на родном дворе можно по праву назвать его школой, лучшим университетом. Сам Шмелев напишет об этом: «Слов было много на нашем дворе – всяких. Это была первая прочитанная мною книга – книга живого, бойкого и красочного слова.

Здесь, во дворе, я увидел народ. Я здесь привык к нему и не боялся ни ругани, ни диких криков, ни лохматых голов, ни дюжих рук. Эти лохматые головы смотрели на меня очень любовно. Мозолистые руки давали мне с добродушным подмигиваньем и рубанки, и пилу, и топорик, и молотки и учили, как „притрафляться“ на досках, среди смолистого запаха стружек, я ел кислый хлеб, круто посоленный, головки лука и черные, из деревни привезенные

---

¹ Статья и комментарии подготовлены при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-04-00116а).

лепешки. Здесь я слушал летними вечерами, после работы, рассказы о деревне, сказки и ждал балагурство»².

Рано лишилась семья Шмелева кормильца, осиротела. Не исполнилось Ване и восьми лет, как умер отец. Последним подрядом, взятым Сергеем Ивановичем, было сооружение трибун перед открывавшимся памятником А. С. Пушкину на Тверском бульваре.

Оставшись с пятью детьми на руках – старшей дочери было четырнадцать лет, а младшая только родилась, – Евлампия Гавриловна, мать Ивана Шмелева, сумела всех вырастить и выучить, не продавая родного гнезда. В 1884 году Ивана устроили в престижную Первую гимназию Москвы. За него хлопотала его крестная мать (троюродная сестра по отцу). Обстановка этой гимназии, фасадом глядящей на храм Христа Спасителя, смущала, даже подавляла мальчика, привыкшего к низким потолкам, уютному обжитому пространству обычного купеческого особняка. А здесь все было размеров значительных. Одна лестница чего стоила: широченная, высокая. Сверстники были все дети дворянских кровей, родовитые. Ваня побаивался их, стеснялся учителей, у него были сплошные «колы» и двойки.

По совету друзей семьи Шмелева перевели в Шестую гимназию, напротив чугунных ворот которой ныне стоит бюст писателя.

Здесь рождался Шмелев-художник. Ему повезло с учителем литературы, открывшим в гимназисте большое дарование. Как-то после очередного сочинения на свободную тему Федор Федорович Цветаев потрепал юношу по плечу и, указав пальцем на голову, значительно произнес: «У тебя есть что-то... некая, как говорится, «шишка». Притчу о талантах... помни!»

Через несколько лет, перед свадебным путешествием на Валаам, будучи уже студентом первого курса университета, Шмелев услышит приблизительно те же слова от человека, совершенно далекого от литературы. По просьбе молодой жены, Ольги Александровны Охтерлони, Шмелев решился взять благословение на дальнюю дорогу у старца Варнавы, подвизавшегося в Черниговском скиту близ Троице-Сергиевой лавры. Напутствуя отшатнувшегося от религии студента, прозорливый иеромонах предрек ему писательскую славу: «Превознесешь талант». Не пройдет и года, как молодой Шмелев напишет свою первую книгу «На скалах Валаама» (1897), добросовестно излагая свои впечатления от встречи со старинным северным монастырем, с его укладом и насельниками. Либерально настроенный студент столкнулся с непонятным ему миром подвижников и аскетов, с иными, чем его повседневная жизнь, порядками. Увиденное привело его в изумление, но священного трепета он пока не почувствовал. Внешне в судьбе юноши ничего как будто не изменилось. Шмелев даже успел отсидеть три недели в Бутырской тюрьме за участие в студенческой демонстрации. Университет окончил успешно: досконально освоил юриспруденцию и готовился сделать карьеру блестящего адвоката.

О писательстве на какой-то срок Шмелев и не вспоминал. Будущее рисовалось ему в лучах небывалой славы: он действительно проявил себя как одаренный оратор на нескольких судебных процессах. Однажды его речь как защитника достигла такой убедительности, что подсудимого оправдали, сняв с него все обвинения. Но судебные дела, как правило, представляли вереницу одно на другое похожих мелких преступлений, в основном жалоб и кляуз. И сами истцы, сознавая неправоту своих притязаний в суде, шли со взяткой. Полтора года промучился Шмелев, бросил адвокатуру и Москву и уехал во Владимир-на-Клязьме податным инспектором. Разъезжал по провинции, собирал материал для своих будущих рассказов. Станным покажется, но Шмелев и не думал тогда что-либо писать, заниматься литературным трудом, отдать этому себя всего: оставить службу чиновника для него казалось невозможным.

Уже имея почтенный писательский стаж, Шмелев признавался, что, получив свой первый в жизни гонорар за рассказ «У мельницы» (1895), как-то стыдился этих восьмидесяти руб-

---

² Шмелев И. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. С. 14.

лей. Чтобы заработать их, ему нужно было бы давать уроки почти год, бегая из одного конца Москвы в другой. Для Шмелева – студента-первокурсника, каким он тогда был, – 80 рублей составляло целый капитал. Но главное здесь не деньги, а мысли тогдашнего Шмелева: «Ведь я же выдумал весь рассказ!.. Я обманул редактора, и за это мне дали деньги!.. Что я могу рассказывать? Ничего. А искусство – благоговение, молитва... А во мне – ничего-то нет»³.

Несмотря на подобные рассуждения, внутренний голос подсказывал Шмелеву: он должен совершенствоваться, должен идти своей дорогой, выбрать писательство. И выбор произошел, но гораздо позднее, чем следовало ожидать, через семь с половиной лет чиновничьей службы. «Помню, в августе 1905 года, – рассказывал о том Шмелев, – я долго бродил по лесу. Возвращался домой утомленный и пустой опять в свою темную квартиру. Над моей головой, в небе, тянулся журавлиный косяк. К югу, к солнцу... А здесь надвигается осень, дожди, темнота... И властно стояло в душе моей: надо, надо! Сломать, переломить эту пустую дорогу и идти, идти... на волю...

Я дрожал в каких-то смутных, неясных переживаниях. Журавли не уходили из глаз. Я пришел домой.

Вечером в тот же день я почувствовал необходимость писать... И в один вечер написал рассказ „К солнцу“⁴.

Шмелев предложил свое произведение в журнал «Детское чтение», где рассказ с удовольствием приняли, приглашая к дальнейшему сотрудничеству. Так появился ряд произведений для детей.

Начинающий писатель решает на ответственный жизненный шаг – бросить службу и переселиться в родную Москву. Его рассказы публикуют, он заявляет о себе как серьезный прозаик, поднимающий злободневные, хотя и общие для того времени темы.

В творчестве 1906—1910 годов основное место у Шмелева занимает социальный вопрос. Его волнует неравенство, граница, разделяющая имущие классы общества от неимущих. Герой рассказа «Гражданин Уклекин» (1908), простой мастеровой, гордится своей новой привилегией: его наделили после революции 1905 года правом выбора наравне с господами в богатых шубах. Но стоило ему разочароваться в равенстве между ним и теми, кто стоит выше на социальной лестнице, как он убивает жену и себя.

Ранний Шмелев тщательно ищет для себя и своих героев выхода из этого социального тупика. И он в конце концов обретает спасительный ориентир, отказавшись от демократических идеалов. В этом ему помогает творчество А. П. Чехова.

Но начнем по порядку. Вернувшись в Москву молодым (по стажу) писателем, Иван Сергеевич пытается завязать литературные знакомства. Он попадает по праву печатания, если так можно выразиться, в кружок издателей «Детского чтения» четы Тихомировых. У них по субботам собирается очень разнообразная публика: от постоянных авторов детского журнала, в число которых входил и Шмелев, до артистов Малого театра, художников и тогдашних крупных писателей – Н. Н. Златовратского, В. М. Гаршина, В. Г. Короленко. Когда Шмелев поселяется в Денежном переулке (ныне Старомонетном), на дворе стоит 1907 год. Тихомировские «субботы» уступают место приобретающему известность московскому кружку – «Средам», организованному писателем Н. Д. Телешовым. Участником собраний на квартире Телешова становится и Шмелев. «Среды» родились из желания молодых писателей целиком посвящать совместные вечера чтению своих новых произведений, обсуждению прочитанного, беседам о писательском мастерстве. Возникла потребность в таких собраниях, где бы не смущало присутствие маститых собратьев по перу.

---

³ Шмелев И. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 308.

⁴ Шмелев И. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. С. 20.

В 1904 году последний раз посетил Москву А. П. Чехов. В Художественном театре поставили его пьесу «Вишневый сад». Своего кумира встречают у себя члены «Среды». Целая плеяда молодых беллетристов, участников «Сред», находилась под сильным обаянием чеховской поэтики. Ими была усвоена манера чеховского письма: размытость сюжета, любовь к деталям и разного рода бытовым подробностям, тяготение к образности языка, к изобразительности, нежелание давать свой комментарий к изображаемому. Шмелев перенял не только внешние приемы; Чехов открыл ему глаза на то, что измученного тяжелым трудом человека не освобождают «аптечки и библиотечки» и равенство в правах. Только через подлинную Красоту, заложенную в религии, он способен освободиться от невежества.

В 1911 году была опубликована повесть «Человек из ресторана», сразу сделавшая Шмелева известным на всю Россию и впоследствии принесяшая ему мировое признание. Тема повести – взаимоотношения детей и родителей. Главный ее герой, официант Скороходов, представляет собой тип «маленького» человека, который теряет работу, а его единственному сыну за увлечение социалистическими идеями грозит арест и каторга. Скороходов не ведет себя по примеру Самсона Вырина, героя пушкинской повести «Станционный смотритель», дочь которого бежала с проезжим офицером, – не опускается, пытаясь утопить горе в стакане. Автор наделил его не только страдающим отцовским сердцем, но и способностью рассуждать. Старый официант наравне с сыном ищет правду в жизни и находит ее в добром человеке, спасшем его сына. Для него вдруг открылось, что социальные вопросы разрешаются через помощь любому человеку независимо от рода и звания, а способность подавать эту помощь, творить добро дается от Бога.

В повести «Росстани» (1913), последовавшей за «Человеком из ресторана», Шмелев раскрывает во всей полноте мысль о доброделании как залоге социального благоустройства и справедливости. Герой «Росстаней», старый купец, с благословения монаха завершает свою жизнь каждодневной раздачей милостыни.

Прошло еще буквально несколько лет после появления «Человека из ресторана», и в 1914 году разразилась Первая мировая война. Единственный сын Шмелевых, Сергей, надел офицерскую форму и ушел на фронт, где потерял здоровье, отравившись ядовитыми газами.

На Февральскую революцию 1917 года Шмелев возлагал большие надежды. Он отправился как спецкор от газеты «Русские ведомости» на поезде в Сибирь вместе с передовой интеллигенцией встречать выпущенных на свободу политкаторжан. Писатель заразился всеобщим ликованием, походившим на массовый психоз.

Скоро туман спал с его глаз, и он с женой уехал в Крым на купленную в Алуште дачку. Пока Москва расхлебывала последствия второй революции, Октябрьской, голодала, в Крыму до января 1918 года шла относительно спокойная полукурортная жизнь. Туда бежали со всей России, охваченной брожением, поджогами, насилием. Бежавшие, поселившиеся на дачах у знакомых, на городских квартирах и перевидавшие и немцев, и англичан, и петлюровцев, ждали разрешения событий и надеялись, что Добровольческая армия наконец освободит Россию от большевиков.

Вернулся к родителям и Сергей Шмелев, когда Крым оказался в руках белой армии, и приписался к штабу генерала Врангеля. Врангелевские войска покинули Крымский полуостров в ноябре 1920 года. Тем, кто остался, от новой власти была обещана амнистия. Шмелевы оказались в числе доверчивых и поплатились за это очень дорого: они потеряли сына в 1921 году. Сергея под конвоем отвезли в Феодосию, протомили в сыром подвале несколько месяцев и затем расстреляли как белого офицера.

Мрачные страницы из истории Крыма под властью большевиков станут материалом для эпопеи Шмелева «Солнце мертвых» (1923). Райский уголок с дворцами, цветущими садами, виноградниками новая власть превратила в арену для истязания невинных людей. Крым в творчестве Шмелева навсегда соединился со звероподобным и нечеловеческим: время вдруг

повернуло вспять и люди стали напоминать дикарей. Бывший курорт перестал быть местом, где завязываются любовные романы. Но до того, как большевики вступили в Крым, Шмелев успел создать произведение о любви, навеянное роскошной южной природой.

Осенью 1918 года писатель вырвался, как из пожарища, из разоренной Москвы и поселился на своей алуштинской даче. Его окружала более чем скромная обстановка, которая не помешала ему взяться за написание «Неупиваемой Чашы». Эта романтическая повесть сложилась как бы помимо и вопреки неустроенности писательского быта. Шмелев сам не без удивления вспоминал о тех жизненных обстоятельствах, послуживших фоном для его нового произведения, – «Без огня – фитили из тряпок в постном масле, в комнате было холодно – 6 градусов. Руки немели. Ни единой книги под рукой, только Евангелие. Как-то неожиданно написалось. Тяжелое было время. Должно быть, надо было как-то покрыть эту тяжесть. Бог помог»⁵.

Сама обстановка подсказывала писателю ухватиться за спасительный образ Пресвятой Богородицы. Вспоминалось, наверное, как далекие предки обращались в любой беде, в скорбях, перед сражениями к Ее заступничеству. Известно, насколько дорога была для русских икона Донской Божьей Матери, приобретшая особое почитание как помощница нашему воинству. Она сопровождала войска Дмитрия Донского на Куликовом поле. Именно с Ее помощью отступили от Москвы полчища хана Казы-Гирея в 1591 году при царе Федоре Иоанновиче, молившемся перед этой иконой и основавшем в том же году Донской монастырь. Среди москвичей особым почитанием пользовалась икона Иверской Божьей Матери. Об этой московской святыне Шмелев напишет в эмиграции. Пока же у него перед глазами чудесный образ Богородицы, держащей в руках чашу, в которой написан Младенец Христос.

Иконография необычная, неуставная. Древние иконы Богородицы создавались по одному образцу: Богородица со Спасителем на руках. Но существовали и такие, на которых Христос написан как бы в медальоне на груди Богородицы, простирающей молитвенно руки вверх. Пример тому – распространенная на Руси икона «Знамение». Тип изображения «Младенец в чаше», которую держит в руках Дева Мария, у нас не был известен, хотя встречался на Востоке. В России обретение иконы «Неупиваемая Чаша» совершилось в 1878 году. Шмелев почти точно воспроизвел обстоятельства, при которых произошло это обретение.

Действительно, как и в шмелевском произведении, чудотворная икона прославилась после исцеления калеки солдата. Но у реального солдата отнялись ноги вовсе не от ранений, а в результате чрезмерного винопития. Вероятно, у этого опустившегося человека еще не была окончательно потеряна вера. Калека чуть ли не на четвереньках пополз в Серпуховской Владычный женский монастырь, повинувшись грозному повелению старца, явившегося ему во сне.

Несколько раз в сонном видении чудесный старец, в котором солдат узнал основателя монастыря, преподобного Варлаама, указывал ему дорогу в Серпуховскую обитель, где перед чудотворным образом «Неупиваемая Чаша» нужно отслужить молебен и ждать исцеления. Когда солдат достиг цели своего странствия, монастыря, и стал вопрошать о чудотворной иконе с названием «Неупиваемая Чаша», ему ответили, что такой в обители не имеется. По настойчивым просьбам солдата икону продолжали искать, пока не обрели висящей возле ризницы. После водосвятного молебна, как и было обещано в чудесном сновидении, солдату вернулось телесное здоровье и одновременно избавление от недуга пьянства.

Для Шмелева предание об иконе «Неупиваемая Чаша» послужило предлогом, отправной точкой для создания своего рода апокрифа⁶. Шмелеву не доставало чего-то невероятного. Он мысленно вопрошал: кто же мог написать необыкновенный образ Богородицы? В воображении писателя сложилась история иконописца, изографа, передавшего в красках лик Девы Марии.

⁵ Ш м е л е в И. С. Письмо Р. Т. Земмеринг // Москва. 2003. Окт. С. 232.

⁶ А п о к р и ф – жанр в древнерусской литературе. Это невероятная история о посещении загробного мира (рая или ада), о жизни святого, об обретении чудотворных икон.

История об иконописце Илье Шаронове действительно необычная. Перед нами конечно же не древний мастер, не Андрей Рублев, не Феофан Грек, не Дионисий и даже не Симон Ушаков – это *почти* художник. Уже первые созданные Ильей «иконы» – лишь замаскированные под иконы портреты. Здесь Шмелев погрешил против исторической точности: действительно, первые портреты маскировались под иконы. Такие иконы-портреты известны со второй половины XVII века. Портреты царевны Софьи и юного Петра I писались изографами как иконы, изображающие их святыми.

Время действия шмелевской повести – первая половина XIX века, когда стены в храмах уже расписывали не согласно древнему образцу, не уставно, а в западной манере, копируя живых людей, не стараясь передать в изображаемом отсвет иного, нездешнего мира. На примере творчества Ильи Шмелев стремится рассказать о постепенном разрыве новой иконописной школы со старыми мастерами, создававшими свои произведения, опираясь на специальное руководство для иконописцев («Подлинник»). Этот окончательный разрыв с древней иконописью происходил на глазах Шмелева, современниками которого были такие известные художники, как М. В. Нестеров и В. М. Васнецов. Наши живописцы, бравшие заказы на роспись соборов, подходили к созданию храмовых фресок и иконостасов так же, как и к своим картинам. Герой Шмелева, как было сказано, создавал свои живописные иконы в эпоху Александра I и Николая I. Среди его современников живописцев-иконописцев назовем К. П. Брюллова и А. А. Иванова, исполнявших заказы на храмовую роспись.

В начале XIX века от старины уже отступили. Отступничество Ильи Шаронова Шмелев усугубляет еще и тем, что посылает своего героя обучаться в Италию, где его иконописная манера приобретает абсолютное сходство с западными образцами религиозной живописи.

Зададимся вопросом: как относился писатель к утрате современными ему иконописцами своих национальных черт? Несомненно, Илья Шаронов – герой любимый и автор всецело на его стороне. В учебе русского мастера у итальянцев нет и тени осуждения. Наоборот, Шмелев дает понять читателю, что наш крепостной художник настолько усвоил приемы западноевропейской живописи, что превзошел своих учителей. Окончив школу итальянской живописи, Илья не останавливается на достигнутом. В нем живет его родная стихия, он всегда осознает себя русским. Внешне Илья приобретает европейский лоск и в поведении и в манере письма, но пишет он свои иконы, вспоминая тот неземной образ, увиденный в детстве: «... как мыльная пена или крутящаяся вода на мельнице... узрел он будто глядевшие на него глаза...»

Моделью для написания Богородицы шмелевский герой избирает не уличную девчонку, торгующую своей красотой, как то делали Рафаэль и Тициан, рисуя своих мадонн. Илья Шаронов переносит на загрунтованную под икону доску черты своей барыни. Но, перенося прекрасные земные черты, наполняет их неземным содержанием. Да, он влюблен, и страстно влюблен, в предмет своего изображения, но стремится передать в иконе лишь благоговейно-молитвенное состояние, преодолевая свое влечение к живой, осязаемой женщине. Но главное, что этим духовным содержанием богата сама модель, сама Анастасия. Илье удалось открыть в ее облике иные черты, тот образ и подобие Божие, во всей полноте явленные в Богородице.

Противостояние двух культур, западной и русской, заложенное в повести Шмелева, не могли не уловить иностранцы, прочтя в переводе на свой родной язык «Неупиваемую Чашу». Сельма Лагерлёф написала из Швеции, что не понимает «рабской покорности» Ильи. Для европейцев осталось загадкой, ради чего создавалась повесть о крепостном иконописце. Зачем писатель избрал своим героем «раба», зачем изобразил крепостничество? Знаменитая шведская писательница силилась понять, почему Илья Шаронов выбрал добровольно неволю, вернулся на родину, покинув Италию, а с ней и будущую славу великого живописца.

Идейное содержание повести без тех составляющих, которые вызывают недоумение у европейцев, понять невозможно.

Шмелев в этой повести не отказывается от социального конфликта. Но в «Гражданине Уклейкине» и «Человеке из ресторана» неравенство в общественном положении приводит человека к отчаянию. Теперь Шмелев сознательно пренебрегает каким-либо делением на классы и сословия. Он рисует художника, для которого это не имеет никакого значения, потому что он внутренне свободен, а внешние цепи, есть они или нет, не мешают ему творить. Такая повесть о внутренней свободе, о независимости любого человека в обществе, к какой бы социальной группе он ни принадлежал, появилась своевременно, именно тогда, когда Россия была раздираема поистине междоусобной бранью. Крестьяне, обуреваемые страстью наживы, в порыве непонятной злобы поджигали помещичьи дома. Слуги покидали своих хозяев, которые их кормили, обували, одевали. Жажда социального переустройства захватила людей, уверовавших, что власть в стране теперь в руках рабочих и крестьян.

В «Неупиваемой Чаше» Шмелев высказал свою позицию по отношению к творившемуся в стране переустройству, переделу, грабежу, но высказал исподволь, завуалированно. С обличением советской власти громко и независимо Шмелев выступит лишь за границей, в эмиграции. В ноябре 1922 года он уедет якобы в творческую командировку и, убедившись, что сын его действительно расстрелян, откажется вернуться на Родину.

Самым пронзительным из шмелевских рассказов, посвященных российской катастрофе, по праву надо признать рассказ «Про одну старуху» (1924). Строгий критик эмиграции Георгий Адамович, недоброжелательно относившийся к творчеству Шмелева, и тот восхищался этим рассказом, сравнивая его по страстности, то есть по чуткости к человеческому страданию, с лучшими произведениями Ф. М. Достоевского. Одной страстностью этот лучший из рассказов Шмелева не исчерпывается. Здесь опять, как и в «Неупиваемой Чаше», рождается апокриф. Но, повествуя о чудотворной иконе, Шмелев расширил до размеров повести то, чего ему не доставало в подлинном свидетельстве об обретении образа. И само слово «апокриф» в данном случае становится синонимом выдумки, художественной фантазии. Рассказ «Про одну старуху» приближается именно к тем апокрифам, которые являются особым жанром древнерусской литературы.

Как художник Шмелев тяготеет не к тому, чтобы производить готовые философские суждения, – его философия заключается в образах, в изображаемом. Мир иной, потусторонний, с реальностью, непохожей на обычную земную, – вот что понадобилось писателю для этого страшного рассказа. Вся Россия, потеряв свою святость с приходом к власти большевиков, превратилась в понимании Шмелева в какое-то адское дно. Обычные законы человеческой морали теряют на этом пространстве, в инобытии, свою силу. Людей убивают, грабят, насилюют представители новой власти. Они даже никак не названы. Их страшно называть, будто поминать нечистого.

Героиня рассказа, старуха, вначале предстает как забитая женщина, заботящаяся о прокормлении голодных внучат. Ради достижения этой цели она не брезгует поклониться новой власти и принимает от нее корову, отнятую у бывших хозяев паточного завода. Старуха невольно делается соучастницей грабежа и насилия. Корова, подаренная старухе, напоминает мифических чудовищ, охраняющих вход в царство мертвых. Именно после эпизода с коровой старуха «переселяется» в качестве наказания в инобытие, в область мучений, мытарств. Из дальнейшего развития событий в рассказе становится ясно, кого олицетворяет собой старуха. Это не только какая-то одна, отдельная человеческая душа, караемая, наказуемая за порочную жизнь. Она – образ России, униженной и обезображенной до неузнаваемости.

Путешествие старухи из села Волокуши за мукой для внучат, собственно, и есть «хождение по мукам». Недаром Шмелев использует для описания старухиных мытарств свою излюбленную сказовую манеру. Рассказчик нужен автору для создания определенной атмосферы. Читатель смотрит на происходящее уже глазами того, от чьего лица ведется повествование. Перед нами будто бы действительно кордоны красноармейцев, отнимающих муку, а будто бы и

бесы, от которых надо откупаться добрыми делами, как в сказании о блаженной Феодоре, чья душа откупалась после смерти добрыми делами, вынимаемыми из мешочка. Избрав миф, апокриф, сказку для изображения определенной исторической реальности, для изображения страданий простого русского народа, Шмелев отразил эту реальность правдоподобнее, чем документальное свидетельство.

Послереволюционный быт был настолько страшен, что невольно наводил на сопоставление с загробным воздаянием грешникам, с пытками в аду. Надо полагать, не одни апокрифы, наследство древнерусской литературы, служили подспорьем для Шмелева, когда ему нужны были образы для точного воссоздания русской трагедии. Финал рассказа «Про одну старуху» напоминает о величайшем создании европейской литературы – об «Аде», первой части «Божественной Комедии» Данте Алигьери. Шмелев приводит свою героиню к последнему пределу, в самую адскую бездну. Мешочников задерживает кордон. Красноармейцы, в него отчисленные, от постоянного употребления алкоголя потеряли всякое сходство с людьми. Среди этих нелюдей старуха встречает своего родного сына, которого считала погибшим в Первую мировую войну. Последние силы несчастной женщины, олицетворяющей Россию, тратятся на слова проклятия, которым она клеймит своего сына, предавшего ее. Сын, предавший мать, грабивший ее и родных детей, не выдерживает ужаса своей вины и стреляет себе в висок, кончает жизнь самоубийством, как Иуда, предавший Христа.

Иван Сергеевич в лице своей героини проклинал мучителей своего народа. Конечно, писатель желал, чтобы люди возмутились и, как один, произнесли слова проклятия новой власти, но его художественное слово было дальновиднее личных, человеческих желаний. Набраться смелости для проклятия могла лишь доведенная до отчаяния старуха, как мать, как воплощение уже не существующей России, могла проклясть и отойти в небытие. Народ же продолжал терпеть и как-то выживать, приспосабливаясь к новым условиям.

Этот рассказ Шмелев не снабжает оптимистической концовкой. Но такая концовка у него появляется позднее. Она прозвучит в «Свете Разума», рассказе, который после его опубликования в 1927 году Иван Сергеевич пошлет философу И. А. Ильину. Так начнется их крепкая дружба. Не случайно Шмелев выбрал именно это произведение, чтобы завязать знакомство с известным русским философом, таким же эмигрантом, как и он сам, но живущем не в Париже, как писатель, а в Берлине. Название рассказа позаимствовано Шмелевым из рождественского тропаря: «Воссия мирови Свет Разума», в котором так образно именуется родившийся Христос. Но в понимании писателя это и дар разума, принесенный в мир с воплощением Бога Слова.

В письме Ильину он объясняет значение своего произведения: «Великая свобода дана нам, великая *carte blanche*⁷ – глубина безмерная: «Суббота – для человека!» И всякий меч, да, Крестом осиянный, направленный против Зла – сам – Крест! Правда – в людях, не книжная. К людям Христос пришел и не книжное принес, а – жизнь, именно – Свет Разума. Так я чувствую»⁸.

Ильин опровергал популярное среди старой интеллигенции учение Л. Н. Толстого, истолковавшего слова Христа как отрицание любого, даже необходимого, насилия. Философ убеждал, что в Евангелии сказано о наказуемости зла и необходимости ему сопротивляться. Эмигрантское общество раскололось на два лагеря. Одни обвиняли Ильина в проповеди кнута, другие, в том числе Шмелев, держались взглядов философа, в защиту которых и был написан рассказ «Свет Разума».

⁷ Свобода действий (*фр.*).

⁸ И л ь и н И. А. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. С. 15.

Действительно, в «Свете Разума» Шмелев попытался проиллюстрировать, как в реальной жизни необходимо сопротивляться злу силой, необязательно мечом, оружием; в какой бы то ни было форме все же необходимо оказывать злу противодействие, не быть пассивным.

Перед нами отец дьякон, сражающийся с настоящим сектантом, которому покровительствуют большевики. Этот сектант, порочащий Церковь и агитирующий православных приходиться причащаться у него на дому, совращает многолетнего учителя Малова. Конечно, сектант Воронов не только по внешности напоминает беса – за ним так и закреплено это определение. Учитель, предав православную церковь, в праздник Богоявления вызывается публично совершить обряд вступления в секту – именно в то время, когда верующие пойдут крестным ходом освящать воду (поскольку описан Крым, то крест будут погружать в море).

И вот наконец решающий момент, кульминация рассказа «Свет Разума». Дьякон с привлеченным иеромонахом после молебна на морской пристани не выдерживает позора для православия – пародии на таинство крещения. Он провозглашает не положенную по уставу анафему предателю учителю. Этот несчастный тяжело заболевает после погружения в ледяную воду, но, пообещав исповедать всенародно истинную веру, через неделю выздоравливает. Конец рассказа, просветленный, обнадеживающий, не повторяет завершающего эпизода в рассказе «Про одну старуху». Хотя важно отметить, что кульминация в обоих рассказах одна и та же: звучат слова проклятия отступникам от России, от родной веры, тем, кто предает, отдав себя во власть сатане.

Шмелев идет к светлым краскам в своем творчестве очень трудно, за плечами – неизгладимые воспоминания о залитом кровью большевистском Крыме, о родной Москве с измененным до неузнаваемости обликом. На отдыхе у океана, на юго-западе Франции, Москва вдруг ясно предстала перед глазами писателя в гряде пышных облаков, надвинувшихся на горизонт. Древняя столица напоминает теперь несуществующий призрачный город, она теперь видится ему недостижимым «Святым градом», Иерусалимом, но не земным городом, где был распят Спаситель мира и куда стремятся паломники поклониться Его Гробу. Это град небесный, в котором поселятся праведные души. Но это и град Китеж, спрятанный до времени от поругания на дно озера.

Описывая увезенную с собой в багаже памяти древнюю столицу в очерке «Город-призрак» из серии очерков «Сидя на берегу» (1925), Шмелев преисполнен надеждой, что когда-нибудь Господь вернет ему счастье увидеть Москву неопозоренной, в своем былом величии, в славе. Это Москва с крестными ходами, Москва богомольная. Оказывается, встреча с дорогим, с Родиной, возможно, не за горами. То, что затеняет светлый облик России, рассеется от пристального всматривания, вглядывания, и сами собой начнут проступать контуры давно забытого, утерянного.

Такому внимательному отношению учит шмелевская статья «Душа Родины» (1924). Русские эмигранты спорили о своей миссии в Европе. Возникали движения, призывавшие вернуться в Россию, служить народу. Были и такие, которые объединялись, чтобы вести подрывную деятельность в Советской России, надеясь, что в конце концов большевистский режим падет. Некоторые группировки сходились на том, что советский строй реорганизуется сам собой, что в нем есть здоровое зерно. Шмелев понимал, как трудно разобраться в путанице мнений и партий молодому поколению эмиграции, и его статья «Душа Родины» обращена, прежде всего, к новым, свежим силам, которым предстоит строить будущую Россию.

Писатель давал им возможность встретиться с подлинным ликом их Родины. Пытаясь объяснить, где находится настоящая Правда, Шмелев доказывает, насколько обманчивы демократические идеалы: свобода, равенство и братство. Свобода поступать по своей воле не есть истинная свобода, так как нарушает свободу другого человека и заковывает в рабство своих желаний, а равенство и братство обращаются в пустой звук в коллективе, где все уравнивается по закону, – это насильственное братство и равенство. Другое дело – свобода во Христе, и равен-

ство перед Богом, и любовь к ближнему ради того, что он такой же образ и подобие Божии. Здесь Шмелев не сказал ничего нового, повторив и философа В. С. Соловьева, и прозорливца Ф. М. Достоевского. Это было напоминанием. Свою миссию, как и миссию всей русской эмиграции, Шмелев тоже понимает в служении России реальной, той, которая покинута и куда нет дороги, нет возврата. И вне России можно творить для России, для ее спасения, возвращая своими произведениями подлинный лик Родины, потерянную Правду, а эта Правда состоит в познании Бога.

И вот в повести «Богомолье» (1931) на поиски правды отправляется из Москвы небольшая артель богомольцев. Они идут искать ответы на свои самые наболевшие вопросы не в народе – они направляются к Троице-Сергиевой лавре, где почивает мощами преподобный Сергей. Обитель, основанная в глухих подмосковных лесах на месте кельи молодого монаха, ставшего светочем Русской земли, привлекала к себе множество паломников. Все русские цари, наезжавшие в старую столицу для коронации или иных важных государственных дел, считали своим долгом остановиться на богомолье у Троицы. Не забывали обитель и писатели, цвет русской литературы XIX века, знали не понаслышке о монастыре преподобного Сергия.

В семье Шмелевых царил настоящий культ троицких старцев, к ним ездили благословляться перед началом важных дел, испрашивали совета. Предыстория событий, описанных Шмелевым в «Богомолье», восходит ко времени поселения прадедушки И. С. Шмелева в Москве. Звали этого легендарного прадеда тоже Иваном, он торговал щепным товаром на пару с неким Алексеевым. Шмелев сохранит в повести невыдуманную фамилию пайщика своего прадеда. Самым знаменательным, чудесным событием повести станет встреча потомков некогда вместе торговавших крестьян. Сын того Алексеева признаёт тележку, на которой едет прапну́к того самого Шмелева, признаёт и пригласит богомольцев погостить у себя.

Задействовано в повести еще одно историческое лицо – старец Варнава, которому Шмелев посвятил отдельный очерк («У старца Варнавы»). Духовные дети отзывались о своем батюшке Варнаве как о великом прозорливце, способном улавливать любой душевный и телесный недуг. Старец равно мог утешить людей любого возраста и общественного положения. Подвиг старчества иеромонах Варнава принял на себя довольно рано и пользовался у простого народа огромной любовью за свою простоту в обращении, за внимательность, кротость, теплоту. К этому действительно Божию человеку отправляются из Москвы странники, герои шмелевской повести, каждый со своей нуждой и грехами.

На их примере Шмелев показывает, что из себя представляют истинные и ложные свобода, равенство и братство. Горкин, конюх Антипушка, хозяйский сынишка Ваня, банщица Домна Панферовна с внучкой Анютой и наследник богатого купца, паренек Федя, составляют один коллектив, но это не коллектив в понимании общественно-политическом – это паломническая артель. Уже в начале своего пути они ссорятся до того, что каждый оказывается сам по себе. Их способно объединить общее дело – цель их путешествия. Богомольцы как бы теряют свою личную свободу, добровольно подчиняются своему вожаку, Горкину.

Еще одной из форм равенства хвастается «царев брат», историю которого богомольцы слушают в Мытищах. Крестьянского сына и государя-императора Александра II выкормила одна русская женщина, и это молочное братство признавал сам государь.

Богатырского сложения купеческий сын Федя дарит свои новые сапоги человеку с отнявшимися ногами, не делая различия между собой и калекой. Он же примиряет Горкина и Домну Панферовну, искренне утверждая, что причиной ссоры явилось его будто бы предосудительное поведение: земляничку для молодки собирал. Юродивый, обвешанный замками, мещанин, выпущенный из сумасшедшего дома, замыкает и отмыкает чужие грехи, так же как и Федя, но в ином роде берется понести наказания, положенные людям от Бога.

У ворот игрушечника Алексева разыгрывается сцена узнавания стариком своей юношеской работы – чудо-тележки, после чего богомольцы, дотоле получившие отказ в постое, вдруг, как равные, принимаются хозяином великолепного дома с огромным садом.

Эти примеры внесоциального равенства, братства и свободы-освобождения приводятся Шмелевым, чтобы приготовить читателей к подлинному смирению себя ради ближних – это подвиг старчества. Отец Варнава действительно наделен даром от Бога брать на себя людские грехи, врачую раны, нанесенные этими грехами.

У Шмелева старец воплощает собой преподобного Сергия. Он живет уединенно в келейке, подобно той, в которой до основания обширной обители подвизался «игумен всея Руси».

Показателен эпизод благословения мальчика Вани, когда иеромонах, умудренный духовным опытом, превращается рядом с ребенком в равного ему ребенка. Конечно, здесь сразу напрашивается любимое Шмелевым евангельское изречение: «...если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»⁹. О батюшке Варнаве вспоминали, что ко всем, приходившим к нему, он обращался просто «сынок» или «дочка». Все для него были детьми, и даже император Николай II, благословленный старцем на мученический венец.

Особенной любовью проникается батюшка Варнава к Горкину, величая его ласково – «голубь». Загадку такого расположения приоткрывают поучения, оставленные старцем. Говорится в его наставлениях и о посте, и о молитве, особенно проникновенно сказано о покаянии. Человек всегда должен приходиться к Богу в сердечном сокрушении. Примером подлинного сокрушения для отца Варнавы был иеродьякон, учитель покаяния Ефрем Сирин, который, увидав женщину, рыдающую на могиле, сам расплакался, так как сравнил себя с этой безутешной вдовой. «Так бы и мы должны убиваться плачем о душе своей, которую мы уморили грехами своими и похоронили на чуждой ей земле страстей и похотей плотских»¹⁰.

Подобным даром покаяния обладает Горкин. В этом его «голубиность», он уподобляется птице чистой, символу Святого Духа, за внимание к своим грехам и за снисхождение к чужим. В его глазах оправданы грузный дьякон, страдающий чревоугодием, и певчие из приходской церкви, валяющиеся замертво пьяными, хотя и дьякон, и певчие, так же как и Горкин, идут к преподобному. Постоянное сердечное сокрушение подсказывает Горкину не считать себя выше кого бы то ни было. Это и есть образ равенства и братства во Христе. При встрече с отцом Вани игрушечник Алексеев произносит очень важные слова: «...все мы у Господа да у Преподобного родные».

Действительно, преподобный объединяет всех, как угодник Божий. Сцена у Золотого Креста в лавре недаром написана Шмелевым с таким внутренним подъемом: люди соединяются в общей молитве за калеку, парализованного крестьянина, они вдруг становятся одним целым, и это является настоящим чудом. И то, что болящий должен исцелиться по предсказанию старца Варнавы, – это результат настоящего единения, братства во Христе.

Н. И. Кульман, известный литературовед эмиграции, прочтя «Богомолье», печатавшееся в газете «Возрождение», пришел в неописуемый восторг и тут же заявил, что столь высокохудожественное произведение должно быть удостоено Нобелевской премии. Хотя Шмелева выдвигали на эту престижнейшую мировую премию наряду с Иваном Буниным, но шведы отклонили кандидатуру автора «Богомолья», поскольку за его соперником стояли более влиятельные особы. Тем не менее Шмелев не унывал: за свои произведения, приносящие людям свет и добро, провозглашающие незыблемые идеалы, он получал мешки писем с благодарностью от читателей. Сам писатель признавался в конце жизни, что читательскую любовь он ставит выше мировых премий, именно ее считая подлинным критерием оценки своих произведений.

---

⁹ Евангелие от Матфея (Мф., 18, 3).

¹⁰ Сб. Великие, русские старцы. Ковчег. М., С. 19.

Шмелев всю свою жизнь страдал от посредственности, которую наблюдал вокруг себя, особенно в эмиграции. Его могли очаровать парижские улочки, заворожить необычность знаменитого собора Нотр-Дам, но сам стиль европейской жизни ему был глубоко чужд. И в противовес обществу, лишенному религиозных ценностей, он создал идеальных героев из «Неупиваемой Чашы», «Истории любовной», «Солдат», «Лета Господня», «Богомолья», «Путей небесных», из многих своих рассказов и очерков.

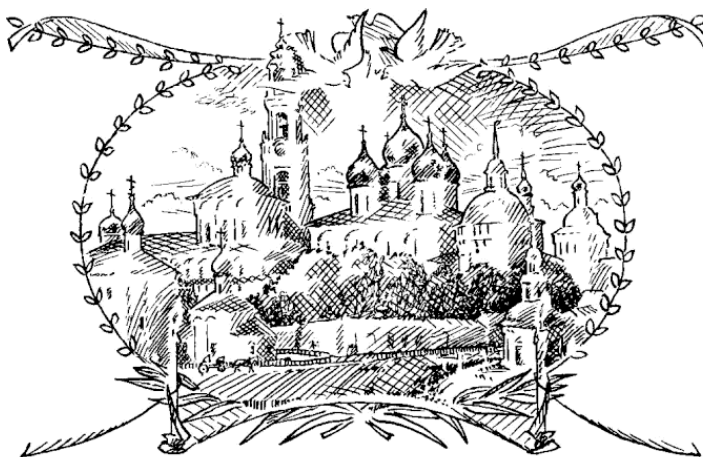
Л. Суровова

Повести

Богомолье

О, вы, напоминающие о Господе! не умолкайте...
Исаии, гл, 62, ст. 6

Царский золотой

Петровки¹¹, самый разгар работ, – и отец целый день на стройках. Приказчик Василь Василич и не ночует дома, а все в артелях. Горкин свое уже отслужил – «на покое», – и его тревожат только в особых случаях, когда требуется свой глаз. Работы у нас большие, с какой-то «неустойкой»: не кончишь к сроку – можно и прогореть. Спрашиваю у Горкина: «Это что же такое – прогореть?»

– А вот скинут последнюю рубаху – вот те и прогорел! Как прогорают-то... очень просто.

---

¹¹ *Петрówki* – Петровский пост, установленный Церковью в память апостолов Петра и Павла. День памяти их празднуется 12 июля (29 июня). Продолжительность поста зависит от дня празднования Троицы, за которой следует неделя сплошная (пост в среду и пятницу не полагается), а затем Петровки вплоть до 12 июля.

А с народом совсем беда: к покосу бегут домой, в деревню, и самые-то золотые руки. Отец страшно озабочен, спешит-спешит, летний его пиджак весь мокрый, пошли жары; Кавказка все ноги отмотала по постройкам, с утра до вечера не расседлана. Слышишь – отец кричит:

– Полуторное плати, только попридержи народ! Вот бедовый народишка... рядились, черти, – обещались не уходить к покосу, а у нас неустойки тысячные... Да не в деньгах дело, а себя уроним. Вбей ты им, дуракам, в башку... втрое ведь у меня получают, чем со своих покосов!..

– Вбивал-с, всю глотку оборвал с ними... – разводит беспомощно руками Василь Василич, заметно похудевший, – ничего с ими не поделаешь, со спокон веку так. И сами понимают, а... гулянки им будто, травкой побаловаться. Как к покосу – уж тут никакими калачами не удержать, бегут. Воротятся – приналягут, а куда сбродных попринайдем. Как можно-с, к сроку должны поспеть, будь-покойны-с, уж догляжу.

То же говорит и Горкин, – а он все знает: покос – дело душевное, нельзя иначе, со спокон веку так; на травке поотдохнут – нагонят.

Ранним утром, солнце чуть над сараями, а у крыльца уже шарабан¹². Отец сбегает по лестнице, жуя на ходу калачик, прыгает на подножку, а тут и Горкин, чего-то ему надо.

– Что тебе еще?.. – спрашивает отец тревожно, раздраженно. – Какой еще незалад?

– Да все, слава богу, ничего. А вот, хочу вот к Сергию Преподобному сходить помолиться¹³, по обещанию... взад-назад.

Отец бьет вожжой Чалого и дергает на себя. Чалый взбрыкивает и крепко сечет по камню.

– Ты еще... с пустяками! Так вот тебе в самую горячку и приспичило? Помрешь – до Успенья погодишь?..¹⁴

Отец замахивается вожжой – вот-вот укатит.

– Это не пустяки – к Преподобному сходить помолиться... – говорит Горкин с укоризной, выпрастывая запутавшийся в вожже хвост Чалому. – Теплую бы пору захватить. А с Успенья ночи холодные пойдут, дожди... уж нескладно итить-то будет. Сколько вот годов все собираюсь...

– А я тебя держу? Поезжай по машине¹⁵, в два дня управишься. Сам понимаешь, время горячее, самые дела, а... как я тут без тебя? Да еще, не дай бог, Косой запьянствует...

– Господь милостив, не запьянствует... он к зиме больше прошибается. А всех делов, Сергей Иванович, не переделаешь. И годы мои такие, и...

– А, помирать собрался?

– Помирать не помирать, это уж Божья воля, а... как говорится, – делов-то пуды, а она – туды!

– Как? Кто?.. Куды – туды?.. – спрашивает с раздражением отец, замахиваясь вожжой.

¹² *Шарабан* – одноконный, реже пароконный рессорный экипаж, двухколесный, без козел, с высоким сиденьем.

¹³ ...*Сергию преподобному сходить помолиться*... — Преподобный Сергей Радонежский (1314—1392) основал в XIV в. в глухих подмосковных лесах Троицкий мужской монастырь (впоследствии Троице-Сергиева лавра) и стал его первым игуменом. Родился святой Сергей в семье ростовских бояр, праведных Кирилла и Марии, его крестили Варфоломеем. Житие передает, что отроку не давалась грамота, пока в поле он не встретил чудесного старца. Варфоломей поделился с ним своей бедой, и неизвестный старец уделил ему часть просфоры, съев которую мальчик вдруг начал самостоятельно читать Псалтирь. Кроме того, от старца родители будущего подвижника получили предсказание об избранности Богом их сына. Из Ростова семья будущего преп. Сергия переселилась в городок Радонеж под покровительство московских князей. Кирилл и Мария скончались, а их младший сын, давно мечтавший о пострижении в монахи, уединился в срубленной им в лесу келье, на месте которой со временем вырос монастырь в честь Святой Троицы. Скончался преп. Сергей Радонежский в 1392 г. Память его Церковь отмечает дважды в году: 8 октября (25 сентября), в день преставления, и 18 (5) июня, в день обретения мощей.

¹⁴ ...*до Успенья погодишь?*.. — Имеется в виду Успенский пост. По строгости он приравнивается к Великому посту, так как в него налагается запрет не только на мясо-молочную пищу, но и на рыбу. Название свое пост получил по празднику Успения Пресвятой Богородицы 28 (15) августа и установлен Церковью как приготовление к этому дню, соответственно и длится пост с 14 (1) по 28 (15) августа.

¹⁵ *Поезжай по машине*... – так называли вплоть до начала XX в. передвижение по железной дороге.

– Известно – кто. *Она* ждать не станет – дела ли, не дела ли, – а все покончит.

Отец смотрит на Горкина, на распахнутые ворота, которые придерживает дворник, прикусывает усы.

– Чу-дак... – говорит он негромко, будто на Чалого, машет рукой чему-то и выезжает шагом на улицу.

Горкин идет расстроенный, кричит на меня в сердцах: «Тебе говорю, отстань ты от меня, ради Христа!» Но я не могу отстать. Он идет под навес, где работают столяры, отшвыривает ногой стружки и чурбачки и опять кричит на меня: «Ну чего ты пристал?..» Кричит и на столяров чего-то и уходит к себе в каморку. Я бегу в тупичок к забору, где у него окошко, сажусь снаружи на облицовку и спрашиваю все то же: возьмет ли меня с собой? Он разбирается в сундучке, под крышкой которого наклеена картинка – «Троице-Сергиева лавра», лопнувшая по щелкам и полинявшая. Разбирается и ворчит:

– Не-эт, меня не удержите... к Серги-Троице я уйду, к Преподобному... уйду. Все я да я... и без меня управитесь. И Ондрюшка меня заступит, и Степан справится... по филёнкам-то¹⁶ приглядеть – велико дело! А по подрядам сновать – прошла моя пора. Косой не запьянствует, нечего бояться... коли дал мне слово-зарок – из уважения соблюдет. Как раз самая пора, теплынь, народу теперь по всем дорогам... Не-эт, меня не удержите.

– А меня-то... обещался ты, а?... – спрашиваю я его и чувствую горько-горько, что меня-то уж ни за что не пустят. – А меня-то, пустят меня с тобой, а?..

Он даже и не глядит на меня, все разбирается.

– Пустят тебя не пустят – это не мое дело, а я все равно уйду. Не-эт, не удержите... всех, брат, делов не переделаешь, не-эт... им и конца не будет. Пять годов, как Мартына схоронили, все собираюсь, собираюсь... Царица Небесная как меня сохранила, – показывает Горкин на темную иконку, которую я знаю, – я к Иверской сорок раз сходить пообещался, и то не доходил, осьмнадцать ходов за мной. И Преподобному тогда пообещался. Меня тогда и Мартын просил-помирал, на Пасхе как раз пять годов вышло вот: «Помолись за меня, Миша... сходи к Преподобному». Сам так и не собрался, помер. А тоже обещался, за грех...

– А за какой грех, скажи... – спрашиваю я Горкина, но он не слушает.

Он вынимает из сундучка рубаху, полотенце, холщовые портянки, большой привязной мешок, заплечный.

– Это вот возьму и это возьму... две сменки, да... И еще рубаху, расхожую, и причащальную возьму, а ту на дорогу, про запас. А тут, значит, у меня сухарики... – пошумливает он мешочком, как сахарком, – с чайком попить – пососать, дорога-то дальная. Тут, стало быть, у меня чай-сахар... – сует он в мешок коробку из-под икры с выдавленной на крышке рыбой, – а лимончик уж на ходу прихвачу, да... ножичек, поминанье... – сует он книжечку с вытесанным на ней золотым крестиком, которую я тоже знаю, с раскрашенными картинками, как исходит душа из тела и как она ходит по мытарствам, а за ней светлый Ангел, а внизу, в красных языках пламени, зеленые нечистые духи с вилами, – а это вот, за кого просвирки¹⁷ вынуть, леестрик... все по череду надо. А это Сане Юрцову вареньица баночку снесу, в квасной послушание теперь несет, у Преподобного, в монахи готовится... от Москвы, скажу, поклончик-гостинчик. Бараночек возьму на дорожку...

У меня душа разрывается, а он говорит и говорит и все укладывает в мешок. Что бы ему сказать такое?..

– Горкин... а как тебя Царица Небесная сохранила, скажи?... – спрашиваю я сквозь слезы, хотя все знаю.

¹⁶ Филёнка – тонкая доска, вставляемая в какую-нибудь раму.

¹⁷ Просвира́ (просфора́) – квасной, замешанный на дрожжах хлеб, используемый на Божественной литургии (обедне). Имеет вид двух друг на друга положенных круглых лепешек (двусоставный) в ознаменование того, что Иисус Христос – Бог и человек, с оттиснутыми крестом и буквами IC XC NIKA (Христос побеждает).

Он поднимает голову и говорит нестрого:

– Хлюпаешь-то чего? Ну, сохранила... я тебе не раз рассказывал. На вот, утрись полотенчиком... дешевые у тебя слезы. Ну, ломали мы дом на Пресне... ну, нашел я на чердаке старую иконку, ту вон... Ну, сошел я с чердака, стою на втором ярусу... Дай, думаю, пооботру-погляжу, какая Царица Небесная, лика-то не видать. Только покрестился, локотком потереть хотел... ка-ак загремит все... ничего уж не помню, взвилось меня в пыль!.. Очнулся в самом низу, в бревнах, в досках, все покорежено... а над самой над головой у меня здоровенная балка застряла! В плюшку бы меня прямо!.. – вот какая. А ребята наши, значит, кличут меня, слышу: «Панкратыч, жив ли?» А на руке у меня – Царица Небесная! Как держал, так и... чисто на крылах опустило. И не оцарапало нигде, ни царапинки, ни синячка... вот ты чего подумай! А это стену неладно покачнули – балки из гнезд-то и вышли, концы-то у них сгнили... как ухнут, так все и проломили, накаты все. Два яруса летел, с хламом... вот ты чего подумай!

Эту иконку – я знаю – Горкин хочет положить с собой в гроб, – душе чтобы во спасение. И все я знаю в его каморке: и картинку Страшного суда на стенке, с геенной огненной, и «Хождения по мытарствам преподобной Феодоры», и найденный где-то на работах, на сгнившем гробе, медный, литой, очень старинный крест с «Адамовой главой»¹⁸, страшной... и пасочницу¹⁹ Мартына-плотника, вырезанную одним топориком. Над деревянной кроватью, с подпалинами от свечки, как жгли клопов, стоят на полочке, к образам, совсем уже серые от пыли просвирки из Иерусалима-града и с Афона, принесенные ему добрыми людьми, и пузырьчики с напетым маслицем, с вылитыми на них угодничками. Недавно Горкин мне мазал зуб, и стало гораздо легче.

– А ты мне про Мартына все обещался... топорик-то у тебя висит вон! С ним какое чудо было, а? Скажи-и, Го-оркин!..

Горкин уже не строгий. Он откладывает мешок, садится ко мне на подоконник и жестким пальцем смазывает мои слезинки.

– Ну чего ты расстроился, а? Что ухажу-то... На доброе дело ухажу, никак нельзя. Вырастешь – поймешь. Самое душевное это дело – на богомолье сходить. И за Мартына помолюсь, и за тебя, милок, просвирку выну, на свечку подам, хороший бы ты был, здоровье бы те Господь дал. Ну куда тебе со мной тягаться, дорога дальняя, тебе не дойти... По машине вот можно, с папашенькой соберешься. Как так я тебе обещался?... Я тебе не обещался. Ну, пошутит, может...

– Обещался ты, обещался!.. Тебя Бог накажет! Вот посмотри, тебя Бог накажет!.. – кричу я ему и плачу и даже грожу пальцем.

Он смеется, прихватывает меня за плечи, хочет защекотать.

– Ну что ты какой настойный, самондравный! Ну ладно, шуметь-то рано. Может, так Господь повернет, что и покатым с тобой по дорожке по столбовой... А что ты думаешь! Папашенька добрый, я его вот как знаю. Да ты погоди, послушай: расскажу тебе про нашего Мартына. Всего не расскажешь... а вот слушай. Чего сам он мне рассказывал, а потом на моих глазах все было. И все сушая правда.

– Повел его отец в Москву на работу... – поокивает Горкин мягко, как все наши плотники, володимирцы и костромичи, и это мне очень нравится, ласково так выходит. – Плотники они были, как и я вот, с нашей стороны. Всем нам одна дорожка – на Сергиев Посад. К

¹⁸ *Адамова глава* – составная часть композиции Распятия. В иконописи сюжет Распятия очень распространен. В центре изображен распятый на Кресте Спаситель, а по бокам – Богоматерь с Иоанном Богословом. Под Крестом часто помещают голову (череп) Адама, грех которого Христос искупил своей смертью на Кресте. По преданию, Крест был поставлен действительно над местом погребения Адама.

¹⁹ *Пасочница* – форма для приготовления пасхи, плотной творожной массы, перетертой с цукатами, орехами и т. п.

Преподобному зашли, чугулки²⁰ тогда и помину не было. Ну, зашли, все честь честью... помолились-приложились, недельку Преподобному пороботали топориком, на монастырь, да... пошли к Черниговской, неподалечку, старец там проживал – спасался. Нонче отец Варнава там народ утешает – басловляет²¹, а то до него был, тоже хороший такой, прозорливец. Вот тот старец благословил их на хорошую роботу и говорит пареньку, Мартыну-то: «Будет тебе талан²² от Бога, только не проступись!» Значит – правильно живи смотри. И еще ему так сказал: «Ко мне-то побывай когда».

Роботали они хорошо, удачливо, талан у Мартына великой стал, такой глаз верный, рука надежная... лучшего плотника и не видал я. И по столярному хорошо умел. Ну, понятно, и по филёнкам чистяга был, лучше меня, пожалуй. Да уж я те говорю – лучше меня, значит – лучше, ты не перебивай. Ну, отец у него помер давно, он один и стал в людях, сирота. К нам-то, к дедушке моему покойному, Ивану Иванычу, царство небесное, он много после пристал – порядился, а все по разным ходил – не уживался. Ну, вот слушай. Талан ему был от Бога... а он, темный-то... – понимаешь кто? – свое ему, значит, приложил: выучился Мартын пьянствовать. Ну, его со всех местов и гоняли. Ну, пришел к нам роботать, я его маленько поудержал, поразговорил душевно, – ровесники мы с ним были. Разговорились мы с ним, про старца он мне и помянул. Велел я ему к старцу тому побывать. А он и думать забыл – сколько годов прошло. Ну, побывал он, ан – старец-то тот и помер уж, годов десять уж. Он и расстроился, Мартын-то, что не побывал-то, наказу его-то не послушал... совестью и расстроился. И с того дела к другому старцу и не пошел, а, прямо тебе сказать, в кабак пошел! И пришел он к нам назад в одной рваной рубашке, стыд глядеть... босой, топорик только при нем. Он без того топорика не мог быть. Топорик тот от старца благословен... вон он самый, висит-то у меня, память это от него мне, отказан. Уж как он его не пропил, как его не отняли у него – не скажу. При дедушке моем было. Хотел Иван Иваныч его не принимать, а прабабушка твоя Устинья вышла с лестовкой²³... молилась она все, правильная была по вере... и говорит: «Возьми, Ваня, грешника, приюти... его Господь к нам послал».

Ну взял. А она Мартына лестовкой поучила для виду, будто за наказание. Он три года и в рот не брал. Что получит – к ней принесет, за образа клала. Много накопил. Подошло ему опять пить, она ему денег не дает. Как разживется – все и пропьет. Стало его бесовать, мы его запирали. А то убить мог. Топор держит, не подступись. Боялся – топор у него покрадут, талан его пропадет. Раз в три года у него болезнь такая нападала. Запрет его – он зубами скрипит, будто щепу дерет, страшно глядеть. Силищи был невиданной... балки один носил, росту – саженный был. Боимся – ну, с топором убежит! А бабушка Устинья войдет к нему, погрозится лестовкой, скажет: «Мартынушка, отдай топорик, я его схороню!» – он ей покорно в руки, вот так.

Накопил денег, дом хороший в деревне себе построил, сестра у него жила с племянниками. А сам вдовый был, бездетный. Ну, жил и жил, с перемогами. Тройное получал! А теперь слушай про его будто грех...

Годов шесть тому было. Роботали мы по храму Христа Спасителя, от больших подрядчиков. Каменный он весь, а и нашей работы там много было... помосты там, леса ставили, переводы-подводы, то-сё... обшивочки, и под куполом много было всякого подмостья. Приехал государь поглядеть, спорные были переделки. В семьдесят в третьем, что ли, годе, в августе месяце, тёпло еще было. Ну, все подрядчики по такому случаю артели выставили, пока-

²⁰ Чугу́лка – так называли первую железную дорогу.

²¹ Басловля́ет – прост. от «благословляет».

²² Тала́н – прост. от «талант».

²³ Лёстовка – кожаные или тряпичные чётки, похожие на ленту в виде петли. На ленте расположено сто простых ступеней-узелочков. Использовалась на церковных службах в Древней Руси и затем, после раскола, старообрядцами. С помощью лестовки отсчитывают нужное количество молитв.

заться государю, царю-освободителю, Лександре Николаичу нашему. Приодели робят в чистое во все. И мы с другими, большая наша была артель, видный такой народ... худого не скажу, всегда хорошие у нас харчи были, каши не поедали – отваливались. Вот государь посмотрел всю отделку, доволен остался. Выходит с провожатыми, со всеми генералами и князьями. И наш, стало быть, Владимир Ондreich, князь Долгоруков, с ними, генерал-губернатор. Очень его государь жаловал. И наш еще Лександра Лександрыч Козлов, самый обер-польцмейстер, бравый такой, дли-инные усы, хвостами, хороший человек, зря никого не обижал. Ну, которые начальство при постройке – показывают робят, рабочий народ. Государь поздоровался, покивал, да... сияние от него такое, всякие медали... «Спасибо, – говорит, – молодцы!»

Ну, «ура» покричали, хорошо. К нам подходит. А Мартын первый с краю стоял, высокий, в розовой рубаше новой, борода седая, по сех пор, хороший такой ликом, благочестивый. Государь и приостановился, пондравился ему, стало быть, наш Мартын. «Хорош, – говорит, – старик... самый русской!» А Козлов-то князю Долгорукому и доложи: «Может государю его величеству глаз свой доказать, чего ни у кого нет». А он, стало быть, про Мартына знал. Роботали мы в доме генерал-губернатора, на Тверской, против каланчи, и Мартын князю-то секрет свой и доказал. А по тому секрету звали Мартына так: «Мартын, покажи аршин!»²⁴

---

²⁴ *Аршин* – русская мера длины, равная 71 см.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.